Фольклор и антропология города Т. 8. N. 3. 2026
Тип публикации: статья
EDN: RBDGJW

Русский языческий антропонимикон XXI века (по данным анкетного опроса)

РОМАН ВИТАЛЬЕВИЧ ШИЖЕНСКИЙ [1]

✉ heit@inbox.ru
0000-0002-8765-2241
[1] Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Пушкин, Россия

В статье рассматриваются особенности современного русского языческого антропонимикона. Основу исследования составили материалы анкетного опроса (2025–2026 годы) представителей общин, отдельных носителей языческого мировоззрения, не входящих в структурированные объединения.

Опросный лист включил два тематических блока: первый ставил своей целью определение социального и религиозного портрета респондентов (восемь вопросов), второй — непосредственно посвящен специфике языческих имен в России XXI века (десять вопросов).

Результаты первичного анализа анкетного массива позволяют прийти к следующим выводам. Во-первых, среднестатистический представитель современной русской языческой диаспоры — житель урбанистической среды, среднего возраста (43 года), ориентированный на тип взаимодействия «человек — человек» и в профессиональном плане, по «охвату» специальностей, представляющий собой среднестатистического россиянина. Самоидентификация последователей рассматриваемого мировоззрения сконцентрирована на терминах «язычник» и «родновер». Подавляющая часть респондентов не состоит в языческих объединениях (общинах). Во-вторых, «второе» имя — базисный, а для большинства неофитов единственный элемент инициации, позволяющий «войти» в новую языческую традицию. В-третьих, наиболее распространенным способом получения языческого онима является проводимый служителем культа (жрецом, волхвом) обряд имянаречения и самостоятельный выбор прозелитом сакрального имени (самонаречение). Последняя тенденция подтверждает развитие процесса «языческой индивидуализации». В-четвертых, выбор языческого имени, с одной стороны, определяется личным, бессознательным (интуицией), с другой, рассматривается как воля высших сил. В-пятых, для значительного процента информантов второе имя — исключительно религиозный «модуль/пропуск» принадлежности к конструируемому микромиру «своих». Оригинальность языческого ономастикона включает двухосновность имен, фиксируемый параллелизм мужских и женских онимов, обращение к миру природы.

Ключевые слова: именослов, современное русское язычество, инициация, сакральное имя, обряд, идеолог, самоидентификация, анкетирование

Для цитирования статьи:
Шиженский, Р. В. (2026). Русский языческий антропонимикон XXI века (по данным анкетного опроса). *Фольклор и антропология города, 8*(3), 45–62.

Дата поступления в редакцию: 01.05.2026
Дата рецензирования: 21.07.2026
Дата принятия к публикации: 04.08.2026
© Р. В. Шиженский

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, № 26-18-00202, проект «“Homo post-Sovieticus” в поисках себя: религия в системе гражданской идентичности», https://rscf.ru/project/26-18-00202/

Urban Folklore & Anthropology, V. 8. N. 3. 2026
Publication type: article
EDN: RBDGJW

The Russian pagan anthroponymicon in the twenty-first century (based on questionnaire survey data)

ROMAN V. SHIZHENSKIY [1]

✉ heit@inbox.ru
0000-0002-8765-2241
[1] Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia

The article examines the contemporary Russian pagan anthroponymicon. The study is based on materials from a questionnaire survey conducted in 2025-2026 among members of pagan communities and individual adherents of pagan worldviews who do not belong to structured associations. The questionnaire consisted of two thematic sections: the first aimed to establish the respondents social and religious profile (eight questions), while the second focused directly on the specific features of pagan names in twenty-first-century Russia (ten questions).

The preliminary analysis of the questionnaire data leads to the following conclusions. First, the average representative of the contemporary Russian pagan diaspora is a middle-aged (43 years old) urban resident, most often employed in occupations of the “person-to-person” type and, in terms of the range of professions represented, broadly comparable to the average Russian. The self-identification of adherents of this worldview is concentrated around the terms “pagan” and “Rodnover.” The overwhelming majority of respondents do not belong to pagan organizations (communities). Second, the “second” name is a fundamental and, for most neophytes, the only element of initiation that enables entry into a new pagan tradition. Third, the most common ways of acquiring a pagan name are a naming ceremony conducted by a religious specialist (priest or volkhv) and an independent choice of a sacred name (self-naming). The latter tendency confirms the development of “pagan individualization.” Fourth, the choice of a pagan name is determined, on the one hand, by personal and unconscious factors (intuition) and, on the other, is understood as the will of higher powers. Fifth, for a significant proportion of informants, the second name functions exclusively as a religious “module/pass” marking belonging to the constructed micro-world of the in-group. Distinctive features of the pagan anthroponymicon include two-stem names, parallel male and female name forms, and references to the natural world.

Keywords: anthroponymicon, contemporary Russian paganism, initiation, sacred name, ordinance, ideologist, self-identity, questionnaire survey

To cite this article:
Shizhenskiy, R. V. (2026). The Russian pagan anthroponymicon in the twenty-first century (based on questionnaire survey data). *Urban Folklore & Anthropology*, *8*(3), 45–62.

Received: 01.05.2026
Reviewed: 21.07.2026
Accepted:04.08.2026
© Roman V. Shizhenskiy

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation, No. 26-18-00202, project "Homo post-Sovieticus in Search of Himself: Religion in the System of Civil Identity".

К истории вопроса

Имя является важным идентифицирующим признаком и во многом формирует личность человека; особенно это касается случаев, когда имя выбирается сознательно при вступлении в какое-либо сообщество [Bruck, Bodenhorn 2006]. Для представителей современного русского язычества именослов и связанная с ним обрядовая практика — категории важнейшего порядка мировоззренческого транскрипта «профан — неофит — посвященный» [Goryaev, Olshvang 2021; Rountree 2010].

В статье «Русский ответ на "еврейский вопрос"» (1990 год) А. А. Добровольский (Доброслав)[1] подчеркивал значимость языческого имени как кода-идентификатора этнической принадлежности, противопоставляемого чуждому, враждебному иноэтничному[2]. «Вещая душа народа воплощена в его языке и в Именах <…> Имя есть звучащий образ человека, его оберег и предзнаменование, во многом определяющее его судьбу <…> Утрата собственных Имен есть утрата национального самосознания» [3,4]. Примечательно, что собственное самонаречение (возможно, первое принятие нового языческого имени в РСФСР), состоявшееся в 1989 году, объясняется Добровольским спецификой мировоззрения («прославление добра, доброго отношения ко всякой жизни») и созвучием с фамили-

[1] Алексей Александрович Добровольский (13.10.1938, г. Москва — 19.05.2013, д. Васенево) — один из идеологов и практиков современного русского язычества. Доброслав — автор первого славянского именослова, создатель обряда раскрещивания/имянаречения и важнейшего символа движения — коловрата.

[2] Брагин, А. П. (2006). *Русский ответ на еврейский вопрос*. М.; Владивосток: Русская Правда: 503, 505.

[3] Доброслав (2006). *Родное и Забытое*. Оренбург: Кром. Издание оренбургской славянской общины «Волкодлак»: 2.

[4] Статья содержит большое количество прямых пространных цитат, необходимых для раскрытия мировоззренческих особенностей носителей языческих антропонимов.

ей[5]. Исследования последующих идеологов движения вписывались в заданный «стандарт» и выделяли инородность господствующего набора личных имен как причину, обязующую современных последователей традиции обратиться к восстановлению «правильного» ономастикона[6]. В роли сил зла, уничтоживших традиционные имена, выступали как отдельные личности (князь Владимир Святославич, Петр Алексеевич — Петр Великий), так и в целом — носители иноконфессионального мировоззрения (христианства) и политико-государственные системы (Российская империя, советская эпоха)[7]. Сам факт обретения сакрального имени рассматривается современными язычниками как важнейший этап религиозного перехода: «Единственная сфера, в которой удается более или менее эффективно использовать хотя бы элементы традиционных посвящений, — это, действительно, личность и ее проблемы»[8], или «Кто сказал, что инициация полностью ушла из жизни современного общества? Самая первая инициация — имянаречение, особенно религиозное»[9]. Заявляя о кастовом характере древнерусского общества, Лев Прозоров приводил собственные «правила» принятия языческого имени в реалиях современной России. К числу норм относятся: получение имени благодаря кропотливой работе инициируемого над сохранившимися источниками (берестяные грамоты, храмовые надписи-граффити), изменение собственного имени в связи с историко-религиозной неблагонадежностью (имена «веро-отступников»), обретение «громкого» имени (Ратибор, Святослав) за заслуги[10].

А. А. Добровольский (Доброслав) — пионер-практик, создатель обряда. Именно он наполнил «имянаречение» сакральной атрибутикой, славлениями, последовательностью совершаемых ритуальных действий[11,12]. К настоящему времени в языческих общинах разработаны вариации обряда имянаречения. В основе значитель-

[5] https://vk.com/topic-19103347_24482246

[6] Казаков, В. С. (2005). *Именослов: словарь славянских имен и прозвищ с толкованием их значения и происхождения*. М.: Русская Правда: 3.

[7] Филимонов, Д. (2011). К вопросу о славянских именах. *Родноверие, 1*(4): 10–11.

[8] Брутальский, Н. (2002). Еще раз о сакральном и профанном. *Русская Традиция. Выпуск 2*. М.: Ладога-100: 65.

[9] Крутов, А. (2002). Размышления профана о будущем нации и об инициации. *Русская Традиция. Выпуск 2*. М.: Ладога-100: 70.

[10] https://slavtradition.com/stati/avtorskie-materialy/ozar-voron/1719-tri-zametki-ob-imenakh

[11] https://vkvideo.ru/video-54841194_165618359

[12] Следует отметить, что обязательным элементом религиозной практики Доброслава являлся обряд раскрещивания. Именно после ритуала «возрождения Русского Духа» неофит принимает новое имя. Важнейшую роль в раскрещивании, по мнению идеолога, играет роса купальской ночи. Подробнее: [Доброслав (2003). *Радость Солнцепоклонника.* Б.м.: Сфера Интернет: 38–39; Шиженский 2014: 140–141]. В настоящее время «неблагозвучное» «раскрещивание» часто заменяется различными вариантами обряда «очищения».

ной части сценариев первой, а для подавляющей части современных язычников и последней инициации — «основного личного обряда»[13] — лежат наработки волхва Богумила Гасанова[14]. В 1993 году, когда он открыл для себя язычество, уже существовали носители дохристианских имен (Доброслав, Бус Кресень, Селидор и др.), но практик имянаречения еще не было, имя присваивали себе сами. Чтобы расширить круг посвященных, Богумил в 1993 году разработал свой обряд[15]. Конструируя его, он старался отталкиваться от информации, почерпнутой из исторических и этнографических источников:

> Число три характерно для многих архаических традиций — отсюда традиция, что имя звучит (произносится) трижды. Перед тем как человек получит имя, должно произойти некое очищение силами стихий (природы). Стихии должны быть как-то материально представлены: огонь в виде головни или свечи, если используется вода, то вода должна быть налита во что-то, и т. д. Элементы отработались на уровне понимания. К примеру, очерчивание вокруг человека круга, в который он заключен до того момента, когда прозвучит имя (магическая практика зачерчивания в народной традиции известна). Также мы верим в силу возгласов, практику магических звуков. Возглас «гой» (от «гоить») применяется как некое приветствие, как побуждение к бытию нового, живого. Обряд включает в себя «очищение», которое должно отсечь и откинуть в прошлое все, что не нужно, и принятие нового имени, которое позволяет человеку открыться для чего-то нового. Мы предлагаем людям разобраться с именем самостоятельно — человек нарекает себя сам, выбрав имя, я лишь провожу обряд, и имя выбирается по двум важным критериям: имя либо соответствует тому, что ты представляешь сейчас, каков ты сейчас, либо имя некая цель, к которой ты должен идти. Имя — судьба[16].

Имена должны быть благозвучными («Люди должны быть готовы, что новым именем их назовут и на улице, а не только в нашем кругу»), славянскими по происхождению («Даже если это имя родственной языческой традиции, скандинавской допустим, никого Олафом я не нареку. Это все-таки параллельные культуры, и для

[13] https://slavtradition.com/stati/avtorskie-materialy/75-likhoslav/4653-imyanarechenie

[14] Богумил Ашумович Гасанов (род. 16.07.1974, г. Обнинск) — идеолог современного русского язычества, автор серии исследований культов славянских богов и посвященных им мифов, один из лидеров содружества общин славянской родной веры «Велесов Круг», хранитель храма Велеса и Марены.

[15] https://vk.com/pokonroda-iz-istorii-rodnoveriya-imyanarechenie

[16] Интервью Б. А. Гасанова (волхва Богумила) Р. В. Шиженскому 23.03.2026. Из личного архива автора.

них свой собственный путь»)[17]. Религиозное значение нового имени Богумил определил так:

> Почему люди меняют имя? Перерождение начинается с того момента, когда ты об этом задумываешься, когда ты видишь, что другие люди уже приняли имена и это нормативно. Принимающий имя должен ощутить новизну происходящего — это посвящение. Выбирая имя, ты выбираешь себе и Богов, и Судьбу. Славянское язычество предоставляет возможность войти в него, обретя новое имя. По факту это не принятие имени — это вхождение в родную веру. Люди хотят что-то изменить в себе, «перевернуть страничку», чтобы Боги слышали это имя из моих уст, чтобы люди меня так называли, чтобы ощущать себя естественно в своем кругу. По-другому в родную веру не войти, нет других обрядов, которые позволяют тебе стать родновером — только этот. В основном <…> меняют имена в ходе обряда[18].

Для последователей современного русского язычества новое имя, сам процесс «имянаречения», системообразующий актор конструируемого этнического и религиозного микромира — важнейший элемент принадлежности к кругу «своих».

Наряду с идеологами движения исследовательское сообщество признает фундаментальность процесса выбора имени как ключевого элемента приобщения к «традиции» [Самойлова, Суровегина, Шиженский 2020: 158] и обращает внимание на следующие характеристики проблемного поля современного русского языческого именослова.

1. Языческие имена (шифры) вкупе с архаизированным языком общения, обрядами, коллективными действиями выступают в качестве компонентов особой знаковой системы. Для современного язычества свойственна дехристианизация именослова [Поляков 2024: 149–150]. «Языческие имена преимущественно не тайные (хотя есть и особые сакральные имена, которые скрываются), они скорее "рабочие", используются для проведения ритуалов и для коммуникации. Рекло[19] выполняет знаковую функцию, определяя место его носителя в социальной иерархии языческой общины» [Седакова 2007: 167].

2. Обряд имянаречения — основной способ обретения языческого онима[20] (*Рис. 1*). «Во-первых, имянаречение происходит в рамках небольшого, весьма закрытого коллектива, и антропоним является знаком принадлежности к нему. Во-вторых, имянаречение представляет собой осознанный выбор носителя имени, совершаемый со всей серьезностью и вызывающий авторефлексию» [Поляков 2024: 149].

[17] Там же.
[18] Там же.
[19] «Рекло» — имя.
[20] Подробнее см.: [Самойлова, Суровегина, Шиженский 2020: 154].

Рис. 1.1. Обряд имянаречения. Фото Р. В. Шиженского. 21.06.2014. Купала. Капище Пятибожие. Малоярославецкий район Калужской области*

Fig. 1.1. Naming ceremony. Photographs by R. V. Shizhenskiy. June 21, 2014. Kupala. Pyatibozhie sanctuary, Maloyaroslavets District, Kaluga Region**

3. В современной языческой среде популярностью пользуются имена языческих богов, фольклорных персонажей, князей, имена-клички, «природные» имена (животные, птицы). «Если имя подбирается человеком самостоятельно, он стремится к максимальному самовыражению. Берутся имена богов (многие из которых — продукт кабинетной мифологии) или имена составные — комбинации из древнеславянских корней, зачастую вымышленные <…> Фактически доминируют имена двусоставные, хотя встречаются и односоставные имена, обозначающие животных (архаические термины или искусственно созданные, нередко персонажи фольклорных произведений) [Седакова 2007: 168–169].

4. Наибольшее распространение получили двухосновные (сложные) имена [Седакова 2007: 169; Самойлова, Суровегина, Шижен-

Рис. 1.2. Обряд имянаречения. Фото Р. В. Шиженского. 21.06.2014. Купала. Капище Пятибожие. Малоярославецкий район Калужской области*

Fig. 1.2. Naming ceremony. Photographs by R. V. Shizhenskiy. June 21, 2014. Kupala. Pyatibozhie sanctuary, Maloyaroslavets District, Kaluga Region**

ский 2020: 155; Поляков 2024: 153]. Приведем высказывание по этому поводу Богумила (Б. А. Гасанова): «Люди предпочитают двухсоставные имена как более звучные. В односоставные имена много смысла не вложишь, двухосновные можно читать, в них есть некий посыл, определенная многозначность. Еще встречается больше имен с позитивным смыслом. В основном люди светлые, и они хотят чего-то благостного. Корень «слав» присутствует регулярно»[21].

5. Несмотря на констатацию факта самостоятельного выбора неофитом имени и проведение индивидуального обряда, наибольшей популярностью в выборе имени, по мнению специалистов, пользуется «Именослов» В. Казакова — создателя одной из старей-

[21] Интервью Б. А. Гасанова (волхва Богумила) Р. В. Шиженскому 23.03.2026. Из личного архива автора.

Рис. 1.3. Обряд имянаречения. Фото Р. В. Шиженского. 21.06.2014. Купала. Капище Пятибожие. Малоярославецкий район Калужской области*

Fig. 1.3. Naming ceremony. Photographs by R. V. Shizhenskiy. June 21, 2014. Kupala. Pyatibozhie sanctuary, Maloyaroslavets District, Kaluga Region**

* Фотографии, сделанные на обряде имянаречения девочки. Нарекаемая встает на одно колено на расстеленный рушник перед капями, «дабы почтить их силу и мудрость». Вокруг нее жреческим посохом или обрядовым ножом очерчивается круг, при необходимости его простукивают бубном, проводят очистительные обряды. Жрец благословляет девочку силами стихий (земли, воды, огня, ветра) и родных богов. Нарекаемая перед обрядом распоясывается, а по завершении всего действа жрецы заново перепоясывают ее. Держа ладони правых рук над головой девочки, трое жрецов прогуживают слог МА (для мальчиков было бы РО-ДУ), после чего ведущий обряд говорит: «Нарекается имя тебе — [такое-то]!». Имя произносится громко, чтобы его слышали собравшиеся. Затем родители окликают новонареченную по имени, на что та отзывается. По завершении обряда девочка принесет «первую требу» и произнесет «первую славу родным Богам и предкам».

** The photographs were taken during a girl's naming ceremony. The initiate kneels on one knee on a ritual towel laid out before the kapi (cult images), "to honor their strength and wisdom." A circle is drawn around her with a priestly staff or ritual knife; if necessary, a frame drum is beaten around the circle, and purification rites are performed. The priest blesses the girl with the powers of the elements (earth, water, fire, and wind) and the native gods. Before the ceremony, the initiate removes her belt; at the end of the ceremony, the priests gird her again. Holding their right palms over the girl's head, three priests hum the syllable MA (for a boy it would be RO-DU), after which the officiant says: "You are named [such and such]!" The name is pronounced loudly so that everyone present can hear it. The parents then call the newly named girl by her name, and she responds. At the end of the ceremony, the girl makes her "first offering" and offers her "first praise to the native gods and ancestors".

ших языческих организаций в России «Союза славянских общин славянской родной веры» (1997 год), ректора «Училища родной веры славян» (2008 год)[22].

6. Идеологи современного язычества выработали определенный «механизм» выбора имени. В свою очередь, представители исследовательского сообщества при характеристике феномена языческого именослова, отмечают: «Процессы изменения маркированности имен в [современном языческом сообществе] протекают иначе, чем в целом в социуме. Это связано как с малым сроком наблюдения (20–30 лет), так и с тем, что язычники остаются замкнутым и локальным сообществом» [Поляков 2024: 151]. Вместе с тем последнее специализированное исследование языческих имен XXI века проводилось в 2017 году, соответственно, необходима фиксация актуальных данных о языческом ономастическом пространстве [Самойлова, Суровегина, Шиженский 2020: 152].

Социально-религиозный портрет респондентов

В период с 22 сентября 2025 по 17 марта 2026 года на базе Google Forms был проведен опрос по теме «Атрибуты веры: имя, оберег, тату». В анкетировании приняли участие 332 человека. Следует учесть тот факт, что в настоящее время любое обоснование релевантности массовых опросов представителей языческого социума (с претензией на 100% истинности) объективно невозможно в силу специфики жизнедеятельности языческих групп (отказ от официальной регистрации, диаспоральность, недоверие к интервьюеру и др.) и отсутствия точных данных о численности новых язычников на территории Российской Федерации[23]. Валидность полученных данных подтверждается «открытым» участием в опросе извест-

[22] «По данным анкеты, 64% выбирают себе имя, пользуясь именословом В. Казакова, 32% — придумывают себе имя сами (зачастую комбинируя корни), 10% выбирают имя из “Именослова” В. Морошкина» [Седакова 2007: 168]. См. также [Самойлова, Суровегина, Шиженский 2020: 155].

[23] Приведем оценки, показывающие разброс мнений по этой теме. По данным социологической службы «Среда» за 2012 год, современные язычники составляют 1,2% взрослого населения России [https://archive.org/details/sredablokpresssm2/page/n87/mode/2up?view=theater]. Детализировав эти данные, Д. В. Громов пришел к выводу, что 0,75% (т. е. около 800 тысяч) взрослых россиян — «неоязычники», конструирующие свои верования без следования непрерывной народной традиции, большинство из них приверженцы современного русского язычества [Громов 2024: 32]. Согласно оценке религиоведа К. Айтамурто, «в России несколько десятков тысяч родноверов» [Aitamurto 2015]. Миссионер А. Л. Дворкин пишет: «Лиц, активно участвующих в группировках и ритуалах, сравнительно мало — несколько тысяч человек. Однако лиц, сочувствующих языческим культам, тех, кто без серьезной мировоззренческой позиции идентифицирует себя с язычеством и иногда использует соответствующую атрибутику — существенно больше (как минимум, сотни тысяч человек)» [Дворкин 2015]. Наконец, ректор «Училища родной веры славян» В. С. Казаков считает, что «количество славянских язычников может колебаться от 120 000 до 320 000 человек» [Казаков 2019: 63].

ных идеологов языческого движения, массовостью приведенных личных данных: адресами электронной почты (152 ответа), оставленными комментариями/пояснениями (59 ответов), зафиксированными названиями организаций, к которым принадлежат респонденты, а также косвенным фактором — наличием в опросном материале умышленного вброса (4 анкеты) «недоброжелателей». Информация о проводимом опросе (ссылка на анкету) была размещена на личной странице автора в социальной сети «ВКонтакте» и распространялась среди единоверцев лидерами языческого сообщества методом «снежного кома».

Первый вопрос данного блока был направлен на определение пола респондентов. Согласно полученным ответам, в опросе приняло участие практически равное количество мужчин и женщин: 171 (51,5%) и 161 (48,5%) соответственно.

Среднестатистический возраст принявших участие в исследовании — 43 года (без разделения по половому признаку); наиболее возрастному участнику опроса — 76, наиболее младшему — 18 лет.

Большинство респондентов имеют законченное высшее образование — 223 человека (67,2%); среднее специальное — 71 чел. (21,4%); среднее общее — 16 чел. (4,8%); основное общее образование — 7 чел. (2,1%). Ученую степень имеют 15 чел. (4,5%).

Вопрос № 4 первого блока посвящен выявлению типа профессий респондентов (согласно классификации Е. А. Климова)[24]. В пользу категории «человек — человек» отдали свой голос 144 респондентов (43,4%); «человек — техника» — 73 (22%); «человек — природа» — 65 (19,6%); «человек — художественный образ» — 35 (10,5%) и «человек — знаковые системы» — 15 (4,5%).

Значительный вариативный ряд наблюдается при ответах на вопрос о профессиональной деятельности. К четырем наиболее популярным версиям относятся: «служащий» (66 чел. — 19,9%), «бизнесмен, предприниматель, индивидуальный предприниматель» (60 чел. — 18,1%), «рабочий» (52 чел. — 15,7%) и «руководитель среднего звена (подразделения)» (47 чел. — 14,2%). Значительно меньше голосов получили ответы: «пенсионер» (17 чел. — 5,1%), «студент» (13 чел. — 3,9%), «занимаюсь домашним хозяйством» (10 чел. — 3%), «военный» (9 чел. — 2,7%), «безработный» (7 чел. — 2,1%), «руководитель (директор) предприятия» (5 чел. — 1,5%). По четыре ответа (1,2%) набрали категории «самозанятый», «педагог», три ответа «учитель», по два (0,6%) — «инженер», «преподаватель», «специалист». Среди индивидуальных ответов отметим наиболее «экзотические»: маляр, религиовед, оператор колл-центра, мастер

[24] Классификация профессий психолога Е. А. Климова предполагает разделение специальностей на пять типов в зависимости от предмета труда. Подробнее см.: *Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996.

красоты, анестезиолог-реаниматолог. В целом ответы интервьюируемых охватили практически всю карту профессий РФ.

Своим местом жительства определили «город федерального значения» 138 чел. (41,6%), областной центр — 103 (31%), районный центр — 50 (15,1%), поселок городского типа — 15 чел. (4,5%).

Отдельный вопрос был посвящен религиозной самоидентификации. Язычниками считают себя 159, родноверами — 109, двоеверами 19 респондентов. Ответ «иное» выбрали 45 человек, в том числе сюда относились ответы: «свободомыслящий мистик», «космист» (две анкеты), «локианин»[25], «верю в высшие силы», «агностик», «мои боги — мои предки, верю в силу своего рода», «натуралистка», «советский человек», «анимист», «мультивер — язычество, буддизм, шаманизм и др.».

Последний вопрос блока имел целью выяснить институциональную принадлежность респондентов, или, иначе говоря, степень их включенности в общины. О том, что в настоящее время они не состоят в религиозной организации (общине), заявили 207 опрошенных. Сюда относятся и ответы, связанные с переходным состоянием или потерей прежнего статуса, например: «не член общины, но активно участвую в ее жизни», «к сожалению, пока нет», «нет, увы», «подбираю общину», «была ранее, сейчас нет». Соответственно, состоят в объединении 125 опрошенных. Приведем перечень общин, члены которых приняли участие в анкетировании: «Училище родной веры славян» (УРВС), «Содружество Доброслава», содружество «Колослава», Круг языческой традиции (КЯТ), «Велесов круг», Союз славянских общин славянской родной веры (ССО СРВ), содружество «Тихий берег», альманах «Вещий», сообщество «Дом Ясеня», Хабаровская региональная общественная организация «РодЪ», международная общественная организация «Орден Славянский круг» (Беларусь), а также общины «Светославие», «ПеруЯр», «Гамаюн», Воронежская славянская община («ВСО»), Калужская славянская община, «Круг Бера», «Родник Марены», «Светоярие», «Вятичи», «Славянское наследие», «Зов предков», «Грайворон», «Троесвет», «Вежа», «Велесовы ратники», «Дедов кон», «Славяне», «Внуки Даждьбога», «Капище Перуна», «Община Лося», «Свет Сварога», «Велесова тропа», «Дорога предков», «Родичи», «Велесовичи». Также можно выделить несколько индивидуальных ответов: «свободный, инакомыслящий», «у нас нет названия», «живу в поселении родовых поместий», «принадлежу к магической традиции русского севера — вепская нойда».

[25] Авторская грамматика сохранена. Возможно, при характеристике своей религиозной принадлежности интервьюируемый имел ввиду культ бога Локи — локианство. Последователи данного течения — локианцы.

Специфика языческих антропонимов

Из 332 респондентов, принявших участие в опросе, обладателями «языческого имени» являются 205 человек (61,7%)[26]. Вопрос, направленный на личное определение исследуемого феномена, — «Как вы называете это явление?» — показал следующие результаты: второе имя собственное отождествляют с категорией «славянское имя» 116 носителей (49,2%), с «духовным именем» — 52 (22%), с «языческим именем» — 31 (3,1%). Считают второе имя общинным 3 респондента (1,3%), именем как таковым — 2 (0,8%). В число единичных ответов вошли: «имя перехода», «имя-оберег-подсказка», «имя для круга общения», «традиционное имя», «никнейм/позывной в сети», «позывной», «имя из прежнего воплощения» и др.

К причинам принятия нового имени (третий вопрос блока) интервьюируемые относят приверженность к определенному (языческому) мировоззрению — 130 чел. (59,1%); выражение собственной духовной сути, личные устремления («имя сакральный девиз») — 82 чел. (37,3%); потребность в имени-псевдониме — 13 (5,9%); влияние авторитета (учителя, наставника, вождя) — 7 (3,2%); пример родственников, друзей и знакомых — 5 (2,3%); желание выразить протест, бросить вызов массовой культуре — 3 (1,4%); дань моде — 2 (0,9%). В группу наиболее интересных единичных ответов следует отнести: «для меня было естественным принять духовное имя и так обозначить связанные, но разные грани моей жизни, моей реальности»; «акт определения себя в вере»; «для улучшения личной связи с традицией»; «воля богов и их подарок».

Согласно полученным данным наиболее распространенным способом обретения языческого имени является обряд «имянаречения», совершаемый жрецом/волхвом общины — 134 респондента (63,2%); «нареклись» новым именем самостоятельно 62 чел. (29,2%); выбирая имя, прибегли к помощи родственников, друзей и знакомых 16 чел. (7,5%).

В качестве источников получения искомого имени современные язычники, прежде всего, выделяют влияние собственной интуиции и последствия вдохновения (наития) свыше — 116 человек (54,2%). Историческая литература (справочники) легла в основу имен 36 ответивших (16,8%); рекомендации, исходящие от главы общины или служителя культа (жреца, волхва), повлияли на 35 чел. (16,4%); «именословом», созданным лидерами языческих организаций, пользовались 34 чел. (15,9%); ориентировались на советы близкого человека 16 чел. (7,5%); получили имя от родителей 2 чел. Единичные ответы: «меня нарекала дружина клуба реконструкции»; «дух

[26] Несмотря на просьбу не отвечать на последующие вопросы блока интервьюируемых, не имеющих второго имени (127 человек — 38,3%), определенные «нарушения» возникли, что привело к превышению искомого 100% показателя.

Велеса внутри проявился и дал имя»; «обряд на определение тотемного животного, название которого стало именем»; «подбор из списка через руны».

Ответы на вопрос «Чем вы руководствовались, выбирая имя?» распределились следующим образом: смысловое значение имени (его частей) — 160 чел. (75,1%); «историчность» (упоминание имени в исторических источниках) — 33 чел. (15,5%); благозвучность — 26 чел. (12,2%). Единичные ответы: «это мое имя в X веке»; «результатом, как будет влиять»; «однажды, при плохой связи жена написала: "Сокол, я Ласточка, отзовись"»; «и смысловым значением и пониманием, ощущением, что именно мое имя и мне с ним комфортно»; «ответ на мой запрос об имени».

При ответе на вопрос «Насколько широко Вы используете "языческое" имя?» были получены следующие смысловые блоки: 1) языческие имена используются прежде всего в обрядовых практиках в среде единоверцев — 61 чел. (28,4%); 2) используют новые имена в повседневности — 40 чел. (18,6%); 3) считают обнародование нового имени недопустимым и подчеркивают его сакральное (тайное) значение, доступное исключительно самым близким, 39 человек (18,1%); 4) отметили, что языческое имя принято употреблять в некоторых средах общения — фольклорной, неформальной и т. д. — 38 чел. (17,7%); 5) сменили статус имени официально, закрепив его в паспорте — 5 чел. (2,3%). Изредка использование второго имени респонденты связывали с профессиональной деятельностью (имя — творческий псевдоним) и с конкретными обстоятельствами, позволяющими (или не позволяющими) его использовать.

Сравнительно небольшой интерес у респондентов вызвал наш вопрос о том, изменилась ли их жизнь с получением нового имени. Не ответили 175 чел. (52,7%), отрицательный ответ дали 62 человека (18,7%), причем ответили развернуто: «Особо нет, оно как допинг»; «Сложно сказать, радикальных я не почувствовал, но начало нового жизненного этапа было ощутимо»; «Жизнь изменилась раньше, желание сменить имя стало следствием». Наличие перемен, связанных с прошедшей инициацией, подтвердили 95 человек (28,6%); при этом только 15 информантов предпочли односложный ответ «да», остальные ответили развернуто: «Да, после принятия нового имени я явно стала ощущать поддержку предков и Богов»; «Да. Я почувствовала, что я не чужая в этом мире. Что он мой, а я его. Я стала видеть больше вещих снов. Мне стала возвращаться моя сила. Изменилось мое отношение к жизни. Я стала сильнее и начала возвращать здоровье»; «Да, почувствовала себя ближе к единомышленникам»; «Думаю, что с этим именем я стала мудрее, мягче, добрее и восприимчивее к людям» и др.[27]

[27] Весь массив полученных ответов является материалом для отдельного исследования.

Приняв языческое имя, большинство респондентов его не меняют. Десять респондентов обосновали отказ от изменения уже полученного имени роком и волей богов (три ответа), собственной неподготовленностью, недостаточной квалификацией служителя культа (два ответа), возрастными ограничениями — недопустимостью смены имени в зрелом возрасте (два ответа). Сменили языческое имя 27 человек, из них 23 представили развернутые ответы: «Да. Одно имя "изжило себя". Изменения в жизни и мировоззрении накопились, и имя перестало отражать духовный путь. Сменила. Стало комфортнее. С тех пор не меняла. Первое имя было дано "волхвом", второе выбрала сама»; «Много знакомых так делали, почувствовали, что не их имя, и есть пример бестолковой смены имен, в народе стали называть его пятиглавом»; «У меня — нет. Однако моя знакомая язычница проходила повторное имянаречение, чувствуя, что прежнее имя ей не подошло. Человек, возможно, не всегда принимает решения такого уровня, руководствуясь внешними факторами, а скорее внутренними, в сознании и подсознании, в душе, чутьём, интуицией руководствуется, идёт туда, откуда придет сила, куда поведёт его, где почувствует родное душе своей, возникнет чувство "вот оно", "я на своём месте", "мое родимое" тогда, видимо, решение и принимается».

Из 205 обладателей вторых имен согласились назвать их 105 респондентов: 49 мужчин и 56 женщин. На основании полученного массива можно сказать следующее:

– заметно незначительное (59: 46) преобладание двухосновных имен над одноосновными;

– самые распространенные имена среди мужчин Велеслав (4 носителя) и Сокол (2), среди женщин — Доброслава (3), Рысь (3), Ива (2), Лада (2), Любава (2), Сияна (2)[28];

– фиксируется параллелизм мужских и женских имен: Велеслав — Велеслава, Белогор — Белогора, Доброслав — Доброслава;

– в качестве примеров семантического образования онимов приведем ряды имен, связанные с флорой и фауной (Калина, Вереск, Сокол, Ивушка, Кречет, Рысь, Рысь, Верба, Ива, Вуковой, Лесана), а также с природными явлениями и временами года (Заря, Айка (Лунная-?), Заряна, Залунь (Небо?), Сияна, Ясна, Зима, Зореслава, Лучезар);

– в список попали и общераспространенные имена — Олег, Сергей, Вадим, Егор.

[28] Сравним это с оценкой Богумила (Д. А. Гасанова), в качестве наиболее популярных назвавшего имена Белояр, Мирослав, Ведана, Лада, Мирослава, Ворон — Интервью Б. А. Гасанова (волхва Богумила) Р. В. Шиженскому 23.03.2026. Из личного архива автора.

Выводы

Специфика гипотетико-дедуктивных конструкций, построенных на сравнении источниковой и историографической «констант» с данными проведенного опроса, позволяет даже на начальном этапе анализа перейти к следующим выводам.

Во-первых, для большинства опрошенных русских городских религиозных язычников (представителей пограничных взглядов) второе имя — «наглядный», системообразующий элемент этнической и мировоззренческой принадлежности. Имя «подтверждает» личный статус носителя, является ориентиром для своих и «красным флажком» для представителей внешнего мира.

Во-вторых, несмотря на сохранение и усиление тенденции на индивидуализацию, виртуализацию современного российского язычества [Казаков 2019: 63; Шиженский 2021], господствующим каналом «личной сакрализации» остается традиционный обряд имянаречения, проводимый главой общины, служителем культа (жрецом/волхвом). Вместе с тем на персонализацию мировоззрения указывает то, что язычники при выборе имени ориентируются преимущественно на собственную интуицию, а не на исторические источники, мнения авторитетов и содержание «именословов».

В-третьих, ставя на первое место смысловое значение имени, информанты подчеркивают его «культовый» статус тем, что используют его в религиозных целях и среди единоверцев. Вместе с тем весьма интересным видится «противостояние» открытости и закрытости языческого ономастикона (с одной стороны, публичного оглашения, с другой, применения второго имени исключительно в кругу «своих»), подчеркивающее, по нашему мнению, наличие двух векторов, характерных для рассматриваемого российского мировоззренческого феномена третьего десятилетия XXI века: диаспоральности и стремления к пролификации.

В-четвертых, исходя из полученных ответов, современные язычники РФ относятся к процессу поиска / принятия / замены нового имени как к важнейшему обоснованному процессу религиозной жизнедеятельности, влияющему на дальнейшее существование адепта в рамках выбранного языческого базиса.

Литература

Громов, Д. В. (2024). Современное язычество в России: общественные фобии и заблуждения. *Языческие верования, 1*(1), 30–40. https://doi.org/10.24412/3034-4824-2024-0020

Дворкин, А. Л. (2015). Неоязычество в России: современная ситуация [доклад]. Восьмая встреча Межправославного Совещания Центров по изучению новых религиозных движений и тоталитарных сект (17–20 сентября 2015). Режим доступа: https://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie/

konferenczii/viii-vstrecha-mezhpravoslavnogo-soveshhaniya-czentrov/a.l.-dvorkin.-doklad-neoyazyichestvo-v-rossii-sovremennaya-situacziya.html

Поляков, Д. К. (2024). Личное имя как маркер новой знаковой системы: межславянские параллели (от национального возрождения XIX в. до современного неоязычества). *Вопросы ономастики*, *21*(3), 139–155. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.035

Самойлова, Г. С., Суровегина, Е. С., Шиженский, Р. В. (2020). Самоидентификация язычников в современной России: феномен именослова (по материалам полевых исследований). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, (1/27), 151–161.

Седакова, И. А. (2007). Новая прагматика архаических моделей: имена неоязычников. В Т. М. Николаева (Ред.). *Имя: Семантическая аура*, 166–188. М.: Языки славянских культур.

Шиженский, Р. В. (2014). Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). Нижний Новгород: Поволжье.

Шиженский, Р. В. (2021). Религиозный нативизм в России «эпохи» ковида. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 1: Богословие. Философия*, (97), 91–104. https://doi.org/10.15382/sturI202197.91-104

Aitamurto, K. (2015). More Russian than Orthodox Christianity: Russian Paganism as Nationalist Politics. In L. M. Herrington, A. McKay, J. Haynes (Eds.). *Nations under God: The geopolitics of faith in the twenty-first century*, 126–132. E-International Relations. Retrieved from https://www.e-ir.info/2015/11/08/russian-paganism-as-nationalist-politics

vom Bruck, G., Bodenhorn, B. (Eds.). *The Anthropology of Names and Naming*. Cambridge: Cambridge University Press.

Goryaev, S., Olshvang, O. (2021). Multicultural and national anthroponymicon: Orthodox name versus neo-pagan pseudonym. In O. Felecan, A. Bugheșiu (Eds.). *Names and Naming. Multicultural Aspects*, 91–105. Cham: Palgrave Macmillan Cham.

Rountree, K. (2010). *Crafting contemporary pagan identities in a catholic society. Vitality of indigenous religions series*. Farnham: Ashgate.

References

Aitamurto, K. (2015). More Russian than Orthodox Christianity: Russian Paganism as Nationalist Politics. In L. M. Herrington, A. McKay, J. Haynes (Eds.). *Nations under God: The geopolitics of faith in the twenty-first century*, 126–132. E-International Relations. Retrieved from https://www.e-ir.info/2015/11/08/russian-paganism-as-nationalist-politics

vom Bruck, G., Bodenhorn, B. (Eds.). *The Anthropology of Names and Naming*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dvorkin, A. L. (2015) *Neopaganism in Russia: The Current Situation. [Conference report]*. Eighth Meeting of the Inter-Orthodox Consultation of Centers for the Study of New Religious Movements and Totalitarian Sects, September 17–20, 2015. Retrieved from https://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie/konferenczii/viii-vstrecha-mezhpravoslavnogo-soveshhaniya-czentrov/a.l.-dvorkin.-doklad-neoyazyichestvo-v-rossii-sovremennaya-situacziya.html. (In Russian).

Goryaev, S., Olshvang, O. (2021). Multicultural and national anthroponymicon: Orthodox name versus neo-pagan pseudonym. In O. Felecan, A. Bugheșiu (Eds.). *Names and Naming. Multicultural Aspects*, 91–105. Cham: Palgrave Macmillan Cham.

Gromov, D. V. (2024). Modern paganism in Russia: public phobias and misconceptions. *Yazycheskie verovania, 1*(1), 30-40. https://doi.org/10.24412/3034-4824-2024-0020 (In Russian).

Polyakov, D. K. (2024). Personal name as a marker of a new semiotic system: Inter-Slavic Parallels (from the National Revival of the 19th c. to Modern Neo-Paganism). *Voprosy onomastiki, 21*(3), 139–155. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.035 (In Russian).

Rountree, K. (2010). *Crafting contemporary pagan identities in a catholic society. Vitality of indigenous religions series*. Farnham: Ashgate.

Samoilova, G. S., Surovegina, E. S., Shizhenskii, R. V. (2020). Self-Identification Among Pagans in Contemporary Russia: The Phenomenon of the Anthroponymicon (Based on Field Research). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, (1/27), 151–161. (In Russian).

Sedakova, I. A. (2007). *New pragmatics of archaic models: Names of Neopagans*. In T. M. Nikolaeva (Ed.). *Name: Semantic aura*, 166–188. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).

Shizhenskiy, R. V. (2014). *The Philosophy of Goodness: The Life and Work of Dobroslav (A. A. Dobrovolsky)*. Nizhnii Novgorod: Povolzh'e. (In Russian).

Shizhenskiy, R. V. (2021). *Religious Nativism in Russia in the Coronavirus Period*. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta. Seriia 1: Bogoslovie. Filosofiia*, (97), 91–104. https://doi.org/10.15382/sturI202197.91-104 (In Russian).